

[Л.75]

Стенограмма воспоминаний аспирантки Львовского государственного университета им. Ив. Франко Пясецкой Марии Юлиановны.

[Л.76]

Если речь идет об укр. германофильстве, то я не знаю, было ли у нас истинное германофильство или отсутствие славянофильства. Кажется мне, что украинцы вряд ли единственная славянская нация, в которой не было развито славянофильство. Причина, по-моему, такова: мы мало знали славян. С одной стороны, мы – галичане, знали славян-поляков, от которых мы терпели угнетение, с другой стороны история учила нас, что Восточная Украина терпела гнет также от славянской нации – царской России. Живя в Польском государстве, мы не имели материальной возможности познать иных славян, участвовать в всеславянских конгрессах и т.д., и развивать в себе дружеские всеславянские чувства. Славянофильство чехов более естественно, потому что они все время страдали от немцев, то же самое и югославы, то же самое и Польша.

В результате начало рождаться германофильство, как естественная потребность найти себе союзника. ~~«Враг моего врага является моим другом»~~ говорит естественный закон, а немцы были ~~врагом нашего врага — Польши~~. Здесь надо сказать, что ситуация при Польше, хоть и не была такой, как при немцах, была для нас очень тяжелая. Чувствовалась большая теснота. Было здесь все, но не для нас. Мой муж был ученым, но он знал, что в Политехническом [Л.77] институте он не будет работать, потому что он украинец. Мы не могли работать по специальности, развивать свои таланты, разворачивать более широких планов. Мы должны были все больше и больше притесняться и корчиться.

Все это вызвало текущую потребность изменения, потребность искать помощи у кого-то. «Враг моего врага является моим другом» говорит природный закон, а немцы были враги нашего врага – Польши...

Это германофильство галичан нашло себе поддержку в том, что еще среди нашей старой генерации были сильные остатки симпатии к старой австрийской монархии, особенно к Иосифу II, и к Франц-Иосифу I.

Это объясняется тем, что в авст. государстве мы жили вместе с поляками, с которыми у нас были большие разногласия. Национальный гнет сплетался тесно с социальным, причем польские помещики или губернаторы были близко, и мы непосредственно чувствовали их руку на себе, а император был далеко в Вене, и фигуру его окружал словно нимб легенды о справедливом «отце и опекуне». Правда, часто были досадные разочарования. Например: когда собралась наша делегация и поехала к императору с каким-то ходатайством. Он выслушал, сказал «Adieu meine Herren!», отвернулся и на том и [Л.78] закончилось. Все же, спустя несколько времени такие неприятные моменты забывались, а пиетизм к «справедливому императору» оживал снова.

Если брать личную жизнь, то следует сказать, что людям при Австрии жилось неплохо и поэтому этот период оставил после себя какое-то приятное воспоминание у галичан.

Младшая генерация, ~~которая фактически не знала немцев~~, к ней я причисляю и себя, фактически не знала немцев (я абстрагируюсь от проводников ОУН и ряда профессиональных политических деятелей, которые или сидели за рубежом, или имели возможность туда выезжать и непосредственно вступать в контакт с немцами). Для рядовой интеллигенции условия были таковы, что ездить за границу на экскурсию или командировки было невозможно и поэтому с немцами мы не встречались.

Практически мы немцев не знали.

Когда в 1932 г. началось гитлеровско-фашистское движение мы обратили на это внимание, но мы этого гитлеризма толком не понимали: «Моя борьба» в Польше не была разрешена – мы узнавали о гитлеризме из брошюр-скетрактов. И сейчас я не понимаю, была ли это сознательная злая воля, или только идиотизм, но в это время была выпущена небольшая книжка [Л.79] «Адольф Гитлер» Ростислава Ендика. Он собрал из гитлеровской «Моей борьбы» самые полезные,

красивые фрагменты, там, где Гитлер переживает о судьбе своего народа, о его упадке и порабощении, где он рассказывает о своем героизме, как он мечтает о немецкой нации, но здесь умалчиваются политические программы Гитлера, не говорится ни слова, что Гитлер планирует в отношении славян, и поэтому в наших глазах Гитлер стал как идеалист, человек необычный, который борется, который имеет силы бороться за судьбу своего народа. Нам говорили, что действительно так надо бороться за свой народ как Гитлер. В нашем представлении было чисто теоретическое понимание немцев как каких-то монахов святого Грааля, призванных на свет нести добро...

Тут возникает новый вопрос: почему мы не ориентировались на советскую власть?

Вина в чем-то может не наша, а тех зрелых политиках, которые не умели как следует нам по-настоящему объяснить все проблемы.

Надо нашу жизнь разделить на периоды: до 1930 г. и после 1930 г.

До 1930 г. была тенденция советологии. Мы восхищались всеми слухами, сведениями, которые приходили [Л.80] к нам с Востока: там есть Украина, там есть школы, там есть все, чего не хватает нам. К нам доходили произведения укр. писателей – Тычины, Рыльского и других. Они несли что-то новое. Мы его, это новое, не понимали, но интуитивно чувствовали. Оно нам нравилось.

После 1932 пошла пропаганда об ужасном голоде в Украине.

Был целый ряд писателей (напр., Филипович, Фальковский, Близько, Хвылевой), которые захватывали нас и которых мы считали истинными коммунистами, и вдруг появляется в газетах: расстреляли одного, расстреляли второго, кто-то покончил жизнь самоубийством. Мы слышали это и не понимали, коммунисты стреляют коммунистов! Украина умирает от голода – Украина, которая была самая богатая в Европе!

У нас наступила настороженность, разочарование, недоверие и этот энтузиазм приутих.

Была еще и другая причина: после 1930 случился в Европе – и в Польше также – экономический кризис. Работы было мало. Много безработных поляков, а украинцев еще больше.

Закончив университет, люди не имели [Л.81] возможности работать по специальности. Инженеры продавали овощи на рынке, юристы развозили молоко по домам.

Все политические проблемы были перекрыты заботами выживания. У нас началась тенденция открывать собственные предприятия, так как на государственную службу не принимали. Каждый открывал какую-то маленькую фабрику или магазин. Это были просто до смеха маленькие и примитивные предприятия. Было тесно, очень тесно, но жить все же как-то хочется.

И здесь снова пришло германофильство как естественный результат. «Враг моего врага – это мой друг» – вот наш тогдашний лозунг!

С тех пор начались такие надежды на «дядю» Гитлера.

Галиция хотела найти себе какого-то союзника. Антисоветская пропаганда в связи с событиями (голод в 1932-33 гг. и ежовщина в 1937-38 гг.) способствовали тому, что мы упустили из виду Советский Союз как возможного нашего союзника.

[Л.82] Стенограмма записи воспоминаний аспирантки Львовского Государственного Университета им. Ивана Франко Марии Юлиановны Пясецкой.

Я родилась в 1909 г. в городе Станиславове. Окончила гимназию во Львове в 1927. Начала учиться в Львовском университете с 1927 по 1929 г. 1929 и 1930 училась в университете в Париже в Сорбонне, затем вернулась во Львов и закончила университет в 1932. При Польше не работала, во времена советской власти до войны в 1941 была аспиранткой на кафедре французской филологии. При немцах 1942 работала в магазине художественных изделий оценщицей.

Сейчас работаю аспирантом во Львовском университете.

*Я не знаю, было ли у нас истинное германофильство или отсутствие славянофильства. Кажется мне, что украинцы вряд ли единая славянская нация, у которой не было развито славянофильство. Причины в этом, по-моему, двоякие: у нас была старая генерация, у которой были остатки симпатии к старой

австрийской монархии, особенно к Иосифу II, и к Францу-Иосифу. Это объясняется тем, что мы жили вместе с Польшей и все время воевали с поляками. У нас были с ними большие разногласия. Всем пожилым людям, представителям этой старой генерации казалось, что они терпят от поляков очень большое угнетение. Сплетался сильно гнет национальный с социальным. Притеснял поляк. И говорилось, что где-то в Вене сидит какой-то отец-император, которому можно было пожаловаться. Но часто бывало, что и этим разочаровывались. Например, было так: когда-то собрались наши люди и поехали к Францу Иосифу I с каким-то ходатайством. Он выслушал их жалобу и сказал: «До свидания, господа» и отвернулся. На том и закончилось. Это пример разочарования тех людей, хотевших от Франц Иосифа какой-то помощи.

[Л.83] Несмотря на то, что они дальше ориентировались на императора, ибо видели польских губернаторов близко, от них терпели непосредственно, а в Вене сидел кто-то, жуть далеко, но им казалось, что это было нехорошо что в их воображении принял фигуру отца-защитника.

Если брать личную жизнь, то надо сказать, что людям при Австрии жилось неплохо, и поэтому этот период остался каким-то приятным периодом в жизни населения Галиции.

Младшая генерация, куда я причисляю и себя, фактически не знала немцев, потому что все время сидела в Галиции. Условия были таковы, что ездить за границу на экскурсии или в командировки было невозможно, и поэтому с немцами не сталкивались вовсе. Здесь, в Галиции, были единичные немцы. Многие из них были ополяченные. Практически мы немцев не знали.

Когда в 1932 г. началось гитлеровско-фашистское движение, мы, не знаю почему, не обратили на это внимание, но мы этого гитлеризма не понимали. «Моя борьба» в Польше не была разрешена и поэтому мы не имели возможности познакомиться с этой новостью. Мы узнавали об этом новом из брошюр, из экстрактов. И сейчас я не понимаю, была ли это сознательная злая воля или это был идиотизм, но была выпущена небольшая книжка Ростислава Ендика под названием «Адольф Гитлер». Он собрал из этой книги самые

полезные, хорошие моменты, там, где Гитлер переживает о судьбе своего народа, о его упадке и порабощении, о своем героизме, как он мечтает о немецкой нации, но здесь умалчиваются политические программы. Он ни слова не говорит о том, что он, Гитлер, задумал в отношении славян и поэтому в наших глазах Гитлер стал как идеалист, человек необыкновенный, который борется, который имеет силы бороться за судьбу своего народа. Нам казалось, что действительно так надо бороться за свой народ, как Гитлер.

[Л.84] С другой стороны, надо сказать, что ситуация при Польше не была такой, как при немцах, но все же гнет был большой. Чувствовалась какая-то теснота. Было все здесь, но не для нас. Мой муж был ученым, но он знал, что он в политехнический институт не устроится только потому, что он украинец. В жизни было все теснее и теснее. Мы не могли работать по специальности. После окончания университета некоторые открывали магазины, некоторые развозили молоко. Украинцев никуда не принимали, только поляков. Возможности ехать куда-то у нас не было. От Польши мы сепарировались сами.

С другой стороны, возникает вопрос: почему мы не ориентировались на советскую власть?

Вина может и не наша, а только тех старших, зрелых. Здесь надо разделить нашу жизнь на периоды: до 1930 г. и после 1930. До 1930 г. была тенденция советологии. Мы восхищались всеми слухами, сведениями, которые приходили к нам с востока: там есть школы, там есть Украина, там есть все то, чего не хватает нам. К нам доходили произведения украинских писателей, мы восхищались произведениями Тычины, Рыльского и других. Вообще нас интересовало все, что доходило до нас из Большой Украины.

После 1933 началась пропаганда о голоде в Украине, это мы начали узнавать из газет. Некоторые поэты, которых мы читали, а это все были советские поэты (например, Филиппович, Фальковский, Власко, Хвелевой) захватывали нас. Коммунизма мы не понимали. Но это были советские поэты, и не какой-либо степени. Они несли что-то новое, мы интуитивно чувствовали что-то. Мы его, это новое,

не понимали, но оно нам нравилось. Это была какая-то новая прекрасная жизнь.

И вдруг появляется в газетах: расстреляли одного, [Л.85] расстреляли второго, кто-то покончил жизнь самоубийством. Мы об этом слышали и не понимали, что произошло, для чего это. Украина умирала, Украина, которая была самая богатая в Европе, погибала. С другой стороны эти расстрелы, которые были в то время, коммунисты стреляли сами себя, их арестовывают... Потом началась пропаганда, что там истребляют людей, там голодают. У нас наступила настороженность, какое-то разочарование, недоверие и этот энтузиазм приутих. Потом наступил кризис. После 1930 г. были тяжелые условия в Польше. Работы было меньше, много безработных поляков, а украинцев и еще больше. После университета люди не могли работать по специальности, шли продавать овощи, фрукты. Юристы, инженеры вынуждены были заниматься торговлей, развозить молоко по домам. Все эти проблемы были заслонены заботами нашей жизни. У нас началась тенденция создавать собственные предприятия, так как на государственную службу не принимали. Каждый основывал фабрику или магазин. Это были маленькие предприятия, все мы были заняты только этим. Было тесно, очень тесно, но жить все же как-то хочется. Здесь появляется германофильство как естественный результат. Император был далеко, немцы нам выдавались какими-то рыцарями. Терпели же мы много от поляков, которые были врагами немцев, а обычный человеческий закон – враг моего врага – это мой друг, поэтому мы стали чувствовать в немцах каких-то друзей. Это была концепция чисто теоретическая. Я абстрагируюсь от ОУН и ряда политических деятелей, которые тоже непосредственно занимались политикой и вступали в контакт с немцами и искали общих политических путей.

Если идет речь о рядовых людях, то рядовая интеллигенция, та, которая не занималась политикой, то эти вопросы германофильства были для них теоретическими. Мы не знали ни немцев, [Л.86] ни их политических настроений. «Враг нашего врага наш друг». Вот что мы помнили.

С тех пор начались такие надежды на дядю Гитлера.

Мы не знали славян. Кто был славянин? У нас славяне были поляки, поэтому у нас не могло быть других чувств к ним. Из истории мы знали о том, что славянский народ – это царская Россия, которая нас угнетала. Получалось, что от двух славянских народов – поляков и русских – Украина все время терпела, страдала. У нас не было материальных средств познать других славян, например, чехов, или славян балканских. Славянофильство чехов абсолютно естественное, потому что они все время терпели от немцев. То же самое югославы, то же самое и Польша. А Галиция терпела в основном от поляков, а история нас учила, что Украину угнетала еще и царская Россия.

Этим обуславливалась возможность определенного германофильства. Галиция хотела найти себе какого-то союзника, тогда, когда мы уже разочаровались Советским Союзом. В связи с этой пропагандой и событиями, голодом в 1933 г. и ежовщиной в 1937-38 гг., они способствовали тому, что мы выпустили Советский Союз из виду как возможного нашего союзника.

Таковыми нас застали события в 1939 г. Началась война с Польшей.*

Были люди, которые нас увещевали, чтобы мы не радовались приходу немцев, потому что это самые большие враги, которые могут быть. Они говорили: «лучше пусть придут большевики». У нас образовалось фальшивое восприятие, что большевики против интеллигенции. Коммунизм мы себе представляли как власть люмпен-пролетариата, которая уничтожает интеллигенцию. К сожалению, до нас не доходила никакая литература. [Л.87] Пришел 1939 г., пришли большевики. Нам их рисовали как чертей. Опять ходили легенды об ужасном голоде.

С самого начала многие выехали в Германию только потому, что они боялись голода. Это был какой-то психоз. Преимущественно это были женщины, у которых были маленькие дети, они боялись этого голода и ехали на восток *запад*, это было массовое явление.

И снова здесь было два течения. Одни – «бегите, спасайтесь». «Спасайтесь от голода, если вас не застрелят, то вы с голоду умрете». Это говорили те, которые уезжали, и те, которые боялись остаться.

Второе течение: «Нет, будем оставаться, там все же *дуж едут* украинекийцы, они нам дадут Украину, которую мы еще не понимаем, а все же это будет Украина. Не уезжайте на чужую землю, оставайтесь здесь, на родной. Если надо будет голодать, то немного поголодайте. Может кого из нас и не застрелят, а все же нам оставаться надо, мы украинцы».

Тогда очень много осталось лесников-украинцев. Их удержал мой муж от отъезда. Он агитировал и потому многие люди не выехали, а сейчас моего мужа не стало и *поэтому* почти все лесники уехали. Многие люди боялось, но много и очень много осталось. И тут пришла приятная неожиданность: профессоров-украинцев, писателей, художников не только не расстреляли, но преподнесли вверх – это те люди, которые едва жили при Польше, так как в условиях безработицы жили только фабриканты, купцы и ~~поляки~~. Кроме того, не было голода, которого так боялись. И это была неожиданность. *Все же* не только старым, а и молодым трудно было перестроиться, потому что появился новый мир. Нас так долго разделяли *границы*, мы стали почти антиподами.

[Л.88] Всякие различия быта, среды, дружеские отношения, образ мышления – все это нас отличало и нам все это было трудно понять сразу и привыкнуть, но при этом мы видели, что идем большими шагами к лучшему, даже если мы и не спали спокойно, потому что не знали, кто из нас может не понравится НКВД. Мы не понимали, почему некоторых вывозят на восток, почему идут такие массовые аресты. Все это нам казалось загадочным. Это была как какая-то болезнь, мы не знали, кого заберет эта эпидемия, а кого нет. Например, вывозили офицеров-поляков. В том числе и украинцев. Их было очень мало. В Польше были такие принципы: до поры до времени всех, у кого было законченное высшее образование, делали автоматически офицерами, причем, когда это касалось украинцев, которым надо было идти в польскую армию, то они очень уклонялись от этого. Им не хотелось служить в польской армии, которую они ненавидели. Затем мы поменялись ролями: украинцы поняли, что им надо учиться военному ремеслу, а ~~полякам не нужно было это делать~~ *поляки не захотели брать украинцев в армию*. Это было опасно для

поляков и поэтому потом украинцев-интеллигентов в армию не принимали вовсе.

Все же некоторая часть украинцев была сделана офицерами, хотя это и было против их воли. НКВД без разбора начало арестовывать не только польских офицеров, а и тех, которые против своей воли стали офицерами. Их высылали на восток. Нам, украинцам, все то казалось очень загадочным, потому что мы знали, как все *эти* украинцы не хотели вступать в польскую армию. Эти высылки тяжело на нас повлияли, они вели к определенной грусти, среди общественности Галиции были соображения, что сегодня вывозят офицеров, а завтра начнут вывозить инженеров, врачей.

[Л.89] Я, в частности, с мужем, объясняла, что НКВД проводит свою политику шаблонно, не подходя к вопросам индивидуально, и следствием этого были такие досадные случаи ареста людей, которые ни в чем не виноваты.

Я хотела еще добавить факты, которые на каждого из нас повлияли очень удрученно. Когда пришли большевики в 1939 г., то они начали вывозить всех гаевых, то есть охранников леса. Вывозили их массово на восток. В лесу есть гаевой и лесничий, а также и инженеры. Инженеров не вывозят, лесничего тоже не вывозят, а вывозят только гаевого. Почему? Это было неизвестно. В Польше гаевые были очень бедные, шли на эту работу только бедняки, не имевшие поля, это были очень бедные люди и поэтому мы не могли различить *понять*, что это значит.

Мой муж до войны руководил лесом частным. Он делал планы в Цветовой Тарнопольской области. Там он застал лесничего Тихого, которому хорошо жилось, и гаевого по фамилии Дуб, большого бедняка, у которого было десять детей.

Однажды мой муж шел по лесу с гаевым и вдруг тот гаевой налетел на дерево и ударился, потом это повторилось второй раз. Муж подумал, что он пьяный, и спросил, что с ним, а тот начал плакать и рассказал мужу, что он почти слепой, ничего не видит и боится признаться, потому что останется без работы и нечем будет кормить детей. И этого человека Дуба вывезли на восток, а лесничий остался.

В селе Реклинец у Великих Мостов был гаевой – Адасько (фамилию забыла Мороз). Он был большой бедняк, это был барский лес, принадлежавший помещику Кременцеру. Он очень издевался над этим Адасько и ему плохо жилось. Этого бедняка [Л.90] Адасько тоже вывезли на восток.

Среди населения появлялся страх. Казалось, что вывезут гаевых, а затем инженеров. Но на этом закончилось. Напротив, инженеров брали на должность, делали учеными. Мой муж стал доцентом. Возникал вопрос, что это значит? Мы думали об этом, нам хотелось этот вопрос решить. ~~Это уже были наши догадки~~ Возникли догадки: в Польше вышел закон в 1938, утвержденный Сеймом, что гаевыми могут быть только те люди, которых местная полицейская власть утвердит, причем только поляки или украинцы, которые пойдут на официальную, полицейскую службу. Инициатором и концептором этого закона был инж. Адамович. Такой закон приняли, но они не смогли провести этот закон в жизнь. В 1939 только в некоторых лесах начинали вводить в жизнь этот закон, а на практике он не работал. Советская власть, *наверное*, увидела этот закон и решила, что все гаевые являются прислужниками польской полиции. А потому всех гаевых выслали на восток. Так думали мы. Это была наша собственная догадка. Адамович не был подписан на этом законе. Он выехал из Львова, жил где-то под Бучачем, работал как инженер и жил очень хорошо. При немцах он был одним из тех, кто был в крупнейшей милости, жил широко с гестапо и уехал вместе с немцами. А из-за него сотни бедняков выехали на восток. Все это было причиной, почему мы все еще не чувствовали себя уверенными, все еще были забиты.

Я могу это еще так объяснить: дни у нас были очень хорошие. Мы могли работать так, как того хотели. Нам все нравилось. Прежде всего нам дали возможность работать более широко, чем это было раньше. Каждый мог работать там, где ему нравилось, развивать свой талант, а не утесняться. Нам нравилось то, что мы наконец творили один общий народ. Нам было очень приятно и радостно, когда [Л.91] приезжали к нам украинские писатели, встречи с ними, разговоры. К нам приезжал украинский театр. Мы видели расцвет

украинской культуры, мы видели подъем науки – всем этим мы восхищались, все это нас радовало. Поэтому я говорю, что дни у нас были очень хорошие, но наступали ночи, тревожные ночи, когда проводились непонятные аресты, причем аресты массовые. А также вывозили людей на восток. Все эти хорошие впечатления, что добывались днем, исчезали ночью. *Потом* снова наступал день и снова все мы вздыхали полной грудью, что это день и можно жить полной жизнью.

Это создавало среди нашей общественности какую-то неуверенность, возникли разные настроения среди населения, это определяло и отношение людей к советской власти, одним словом, нервы человеческие были очень напряжены. Но все же эти дни, хорошие дни перевешивали над страшными ночами. Днем их забывали.

Было очень много людей, которые говорили, что наши дела идут хорошо, если нас и вывезут некоторых, но все же наши люди здесь останутся и здесь безусловно будет хорошо. Такие люди не хотели ничего другого, но такие люди не составляли большинство.

В 1941 г., когда начались аресты молодежи (массовые аресты), то нам стало ясно, что за Сянем что-то творится, что из-за Сяна идут какие-то течения. Это нам было ясно, потом мы узнали, что это началось движение бандеровцев. Среди зеленой молодежи начиная от 14-ти лет и среди крестьянства распространилось это движение. Большинство граждан уже зрелых не поддерживали этих настроений. До прихода немцев мы совсем не знали, что там есть Степан Бандера и он возглавлял новое движение. Ближайший группа, которая нас окружала, совсем не знала об этом движении. Мы чувствовали, что эта [Л.92] работа идет из-за Сяна, но не знали точно. Мы все больше и больше развивались и сживались с советской властью. Я была уже аспиранткой, муж был руководителем научно-исследовательской станции. Все больше было знакомых с советом. Внутренне мы уже сживались с этим новым и на работу среди молодежи, которые шли из-за Сяна, мы смотрели как на врага, глупую работу.

Не стану врать, что мы тогда были коммунистами, но в полном и глубококом понимании мы совсем лояльно относились к советской власти и была наша воля идти в ногу с советской властью.

Разразилась война, которая длилась всего неделю, так что о войне нечего говорить.

Теперь перейду к вопросу, как встретили украинцы немцев.

~~Как отошли большевики и вступили немцы~~, тут я приступаю к досадному ~~еще~~ делу. Если бы даже и НКВД спрашивало об этом, я бы сказала все то, что я видела. Я хочу сказать об этих всех трупах, которые остались в тюрьме по ул. Лонцкого. Это произвело большое впечатление. Было это 29 июня 1941. Большевики уже отошли из Львова, а немцев еще не было. Я шла в городе около тюрьмы по ул. Лонцкого раз тогда, когда люди разбили ворота тюрьмы. Поднялся крик. Я подошла ближе, посмотрела во двор и увидела там много расстрелянных людей. Все они валялись по двору. Я не знаю, сколько их там было, я не могла смотреть. На второй день, когда пришли немцы, то уже население начало поиски. Говорили, что нашли много людей в камерах, а затем начали выкапывать. Выкапывали очень долго и очень много. Я жила тогда по ул. Исааковича и ходила в город по ул. Коперника. Там нельзя было пройти, потому что был жуткий запах трупов. Это же было и в тюрьме на Замарстынове. Туда приехала немецкая комиссия, сказала, что тюрьма полностью [Л.93] набитая людьми, началось разложение трупов и, поскольку это было летом, не позволили входить и делать поиски. Закрыли эту тюрьму и сказали, что откроют как настанет зима. Затем якобы придумали, якобы позволяли людям заходить, но каждый раз рассказывали людям, что сейчас зайти нельзя. Всем было ясно, что там было что-то немецкое, трюковое. Все поняли, что на Замарстынове не было ничего, а *но* на ул. Лонцкого было что-то страшное.

Если речь идет об этой тюрьме, то надо сказать, что она оказала большое впечатление. Мне говорили, сама я этого не видела, что там нашли людей не только застреленных, а и порезанных. Немцы их фотографировали, показывали в кино, водили людей в тюрьму, всякого, кто имел кого-то в тюрьме, приглашали смотреть и искать. Люди шли из сел, смотрели, искали. Женщины приезжали, был

страшный крик, плач, казалось, что это была какая-то *кошмарная* ярмарка, немцы пользовались этим и агитировали. Все это производило на людей большое впечатление, даже на тех, кто хорошо относился к советской власти. Это было отталкивающее впечатление, причем немцам шло на руку, и они пускали охотно людей смотреть на это.

Такое негативное впечатление оставили по себе большевики. Чем же немцы хотели привлечь симпатию галичан?

Как только немецкие войска вступили во Львов, с ними вместе вступила такая украинская дивизия, которая называлась «*Nachtigal*», то есть, по-нашему «соловьи». Они имели сине-желтые нашивки. К боям немцы их не допускали, но когда захватывали какой-то город, то немцы пускали этих соловьев, и они входили в город со стрелковыми песнями. При этом песни эти очень дороги для галичан. Это были песни украинских сечевых стрельцов, которые в Галиции имеют большое уважение. Это были те, которые в 1918 сражались с поляками [Л.94] за Львов.

Немцы пускали в город украинцев, которые пели украинские песни: «Ой, видно село», «Ехал стрелок на вийноньку». Это все сделало немцев популярными. Это был театр. Немцы все это сильно поднимали, фотографировали, агитировали. С одной стороны, трупы в тюрьмах, крестьяне, приехавшие искать своих близких, ужасный трупный запах по городу, а с другой стороны – эти соловьи, которые поют украинские песни.

Уже через несколько дней немцы начали показывать себя такими, какие они есть в действительности. Украинскую армию они отодвигают, не допускают к войне, а держат как какую-то *театральную* группу. Войско украинское также имело плохое настроение. Мы спрашивали военных украинцев, что будет, они не знали, говорили, что к боям их не допускают, а почему, они не понимали. Образовалось это войско за Сяном.

Я говорю об общем настроении.

Впервые мы услышали о Степане Бандере только тогда, когда пришли немцы. К тому времени мы знали, что это был один из политических заключенных. О расколе Бандеры с Мельником мы

тоже узнали только при немцах. Бандера и его сообщники еще до войны были арестованы. ~~Кроме него~~ *А именно:* были арестованы Рак Мирослав, Германик-Левицкий, ~~Бандеру, которого~~ *Вол. Янов Бандеру* перевезли в Берлин, где он был почетно арестован. Его очень немцы берегли. ~~Их~~ *Остальных* держали на Лемкивщине в *Рабке в лагере*. Они ~~были арестованы~~. *Рассказывали мне, что перед войной* им сначала сказали, чтобы они не думали, что повторится 1918 год, когда украинцы стреляли немцам в спину. Затем их перевезли в тюрьму на Монтелюпе в Кракове, где им жилось плохо. В 1942 году их всех перевезли в лагерь *Auschwitz* в Силезии. Там все эти арестованные оставались до последнего времени. *(Кроме В. Янова)*

30 июня 1941 было провозглашено украинское государство во главе с Ярославом Стецько. Немцы не разрешали украинцам перейти границу Сяна. Украинцы без разрешения немцев пришли сюда сами. Здесь были Равлик, один из вождей, Ребет, Богдан Кордюк, Ленкавский. [Л.95] Но этим украинцам не удалось установить своего правительства ~~до прихода «вермахта»~~. После прихода немецкой *гражданской* власти и *гестапо*, они все были арестованы. Эта искусственная украинская власть существовала примерно месяц. Они выдавали афиши, делали призывы к украинцам, что надо все силы направлять на восстановление хозяйства. Призывали гнать врагов и т.п. Немцы сначала смотрели на это сквозь пальцы, но только потому, что не было еще гражданской власти, не было гестапо. Затем Стецько отвезли в Берлин, а Ленкавского, Кордюка и Реберта арестовали. Они арестованы были как обычные заключенные. Ленкавский умер от тифа, Реберта и Кордюка вывезли в Силезию, а Равлик в 1942 г. умер в тюрьме. *Впоследствии* в Житомире начались массовые аресты бандеровцев. Приехали *также* некоторые мельниковцы ~~и никто, но никто из нас~~ не мог узнать, где Мельник. Сциборский и Сенник Грибивский (мельниковцы) приехали легально. Началась ~~резня~~ *вражда* между мельниковцами и бандеровцами. ~~Нам казалось~~ *В целом получалось*, что мельниковцы более лояльны к немцам, а бандеровцы – за независимую Украину. *Спустя несколько времени* появился Роман Сушко – мельниковец, который тоже был расстрелян

в 1943 г. неизвестно кем на пороге своего дома. Его ближайших соратников тоже арестовали (Бойдунек и Мартынец).

Со стороны мельниковцев и бандеровцев все время были большие ссоры между украинцами. Мы все наблюдали со стороны, что происходит. Прежде всего бросался в глаза раздор Бандеры с Мельником. Друг в друга стреляют, арестовывают. Мельниковцы говорили, что им стреляют в спину, а бандеровцы, что на них делают доносы.

С другой стороны, наиболее сознательная интеллигенция видела в этом какую-то театральщину. Все это казалось чем-то искусственным. Остро ощущалось и в городе, и в селах, что главным хозяином был немец. Вслед за этим скоро немцы сбросили сине-желтые флаги.

[Л.96] Возле нас находился штаб немцев. Ежедневно приходил военный оркестр и играл немецкие песни, а также «Ще не вмерла Украина». Это был немецкий оркестр. Нам было ясно, что они хотели показать свою приверженность украинцам. В это же время немцы уже начали бить наших людей на улице, со словами «*Russische Schwein*». Все это и удивляло, и обижало. У людей появилось большое разочарование по отношению к немцам. Стали чувствовать себя более угнетенными. Больше всего это было по селам. Рассказывали, что в каком-то селе, в воскресенье люди вышли из церкви. Немцы были возле церкви в это время. Все люди хотели их приветствовать как союзников. Немцы не обратили внимания на эту группу людей, стали стрелять гусей, которые недалеко ходили. Похватали их и уехали. Таких фактов было очень много. Село переживало сильно. Мы уже были подготовлены к этому, а село этого не знало.

Здесь впервые мы увидели реально немцев. Через неделю после их прихода я увидела воочию, как немец бил какую-то женщину по лицу. Затем это было в порядке вещей. Они относились ко всем нам с большим презрением. Ко всем одинаково. Они чувствовали себя как полубоги. Они везде говорили: «Да, да, эту землю мы себе захватили». Мы хорошо видели и понимали, что они как только покончат с евреями, то же самое начнут делать и с нами. Нас не

радовало и то, что делали бандеровцы. Все знали, что немцы – это худший враг, но здесь снова было двоякое настроение:

1) Среди крестьянских масс было недовольство. Это привело к улучшению положения бандеровцев, потому что крестьянин всегда ищет своего хозяина. Люди не знали кто такой Бандера, но знали, что он против немцев, а немца все люди хотели уничтожить и поэтому все *много* крестьян стало себя считать бандеровцами, потому что Бандера против [Л.97] немцев и здесь появилось новое настроение 2) *Второе настроение*: «Жаль, что большевики ушли». Такое настроение было больше среди населения Львова. Бандера здесь влияния не имел. В общем и основном всем было лучше с большевиками, чем с Бандерой и немцами. ~~Все же большинство~~, *многие* люди относились сознательно к большевикам как к союзникам.

В это время разбушевалась ненависть между поляками и украинцами. Эта ненависть имеет свои *исторические* корни, но немцы здесь сознательно выигрывали. Они натравливали одних на других и для них это было полезно.

За эти два года советской власти крестьяне чувствовали себя равными людьми, а с приходом немцев вернулись к ним польские пань и заставляли крестьян возвращать их добро, имущество. ~~Имения им немцы не вернули~~. К людям эти господа стали относиться плохо. Приехали многие фольксдойче, *по душе поляки*, и им давали поместья. Это было снова крепостничество. Они заставляли людей много работать на себя, били людей, гоняли их в гестапо. Расширялась и национальная и классовая вражда, потому что это были не только поляки, но и помещики.

Часть крестьян пошла в гайдамаки просто для того, чтобы резать поляков, которые над ними издевались. Били их, забирали дома, забирали все. Этим пользовались и бандеровцы, и немцы. Были здесь *даже такие* случаи: однажды я захожу в магазин и обращаюсь по-украински. Мне отвечают – «не понимаю, потому что Украина уже закончилась и теперь здесь будут только поляки».

Украинские переводчики в гестапо использовались в польских делах и наоборот, когда арестовывали украинцев, переводчиком был

поляк. Все это мелочи, *но говорят они о том, как* немцы развивали национальную рознь.

Мне рассказывал один немец Северин Байгерт, который работал в земельной инспекции. ~~Он хотел мне помочь, но плохо, что гестапо окружили себя поляками-переводчиками.~~ Он рассказывал [Л.98] такой случай: допрашивали несколько украинцев, переводчиком был поляк, он не знал, что я *(то есть Байгерт)* владею польским языком. Во время допроса этот переводчик обратился к арестованному: «Ты свинья гайдамацкая, теперь поляки здесь будут орудовать, а не украинцы». Этим этот переводчик подчеркнул, что дела украинцев поворачивали таким способом, чтобы обязательно осудить украинцев. Немцы на уровне правительства формально подносили больше украинцев, ~~об этом говорили Кубийовичу, он обещал после войны что-то другое.~~ Кубийович, *например*, вправе был ходатайствовать по поводу арестованных. Когда были совещания у *губернатора*, приглашали украинцев, а поляков нет.

Зато в полужформальной жизни поляки были над нами, потому что среди них было очень много фольксдойче. Они друг другу помогали и ~~могли~~ *умели* наладить жизнь. Украинцы этого не умели. ~~По сути, официально~~ украинцы имели больше прав, а ~~официально все~~ *по сути больше* права было у поляков. Благодаря своей ловкости, через умение подойти к немецким властям полякам больше удавалось.

Количество украинской интеллигенции была незначительна. Никаких подходов к немцам она не знала. У них не было в распоряжении графинь, а немцы особым уважением относились ко всяким графиням, поэтому украинцы не могли пользоваться каким-то привилегиями, и даже формальными правами, которые якобы были у украинцев.

Пришел 1942 год. Здесь я много не скажу, потому что мое собственное горе в связи с арестом моего мужа, которого забрало гестапо, заслонило последние события от меня, и я менее наблюдала общественных явлений и процессов.

Мой муж был доцентом и руководителем лесной научно-исследовательской станции во времена советской власти. Когда

пришли немцы, политехнический институт не существовал. Мой муж организовал украинский лесной научно-исследовательский институт во Львове, [Л.99] причем он сделал так, что Яновское лесничество, на территории которого находились опытные участки, перешли под его управление. Он был одновременно и директором лесного института. На территории Галиции существовал своего рода лесотрест «Abteilung Forsten» как высшая лесная власть в Дистрикте Галичина. Кроме этого, существовали инспекции лесные в равных округах. Такая лесная инспекция была во Львове. Начальником ее был Ганс Барт, *родом из Чехии*. Сразу же между моим мужем и Бартом началась вражда. Это был такой классический пример немца, которому импонировали графини, гуси и т.п. Он приехал из Кракова и сразу был неблагоприятно настроен в отношении моего мужа. Он все хотел что-то найти у моего мужа, но не мог. *В конце* он издал приказ рубить лес на опытных участках, причем в такой степени, что был бы уничтожен лес вообще. Мой муж не мог этого перенести. Несчастьем моего мужа было то, что приехал в это время из института труда по востоку проф. Мانتель, ученый, который заинтересовался научными работами мужа и сказал ему: «Ты леса не руби, я постараюсь, чтобы в Кракове был выдан приказ, что этот лес будет служить только научным целям и ты будешь подчиняться только непосредственно Кракову, то есть мне». Где-то осенью мужа вызвали в Краков. Там была конференция с учеными и после этого вышел приказ, я до сих пор помню: «С этого дня Яновское лесничество переходит под непосредственное управление Кракова». Мой муж пошел с этим приказом к Барту, который прямо бесился, но муж мой был спокоен. Через некоторое время стали приходить к моему мужу низовые рабочие и предупреждали, что Барт задумал что-то плохое против Пясецкого, моего мужа. Мой муж не очень беспокоился, а Барт приказывал и дальше рубить лес и угрожал. Муж мой увидел *под конец*, что будет плохо, и хотел ехать в Краков. [Л.100] У моего мужа был хронический аппендицит. Ему стало хуже, и врачи запретили ему ехать. В феврале он пошел на операцию, чтобы после нее ехать. Операция была очень серьезная. Он долго лежал в больнице, потом дома. 23.3.1942 влетели к нам пьяные гестаповцы и *хотели*

арестовать моего мужа. Рана была незажившей. Он встал и сказал: «Меня арестовывать? За что?».

Освальд Миллер, гауптшафтфюрер, *который* одновременно был руководителем отдела по борьбе против немецкого саботажа (*«Widerstandsbewegung»*), ударил моего мужа в рану нёгёй, и мой муж потерял сознание. Я побежала за водой. Они стали бегать по комнате. Их было четыре человека. Они что-то кричали, ~~но что, я не знаю, чего я не могла понять.~~ Я принесла стакан воды и хотела дать мужу, но немец вырвал этот стакан и бросил его на моего мужа, целый стакан с водой, причем крикнул: «Так ему будет лучше». Мой муж лежал совсем как неживой. Я бросилась на этого гестаповца как гиена, я ничего не понимала – *мне было все равно.* Он и сам этого не ожидал *и немного пришел в себя.* ~~Тогда~~ *Потом* он начал кричать, что мой муж симулирует. ~~Я прёсила и угрожал, что отправит врача, они сказали, что пришлют своего врача.~~ *Я обрадовалась и начала просить, чтобы они его отправили скорее.* Тогда они сдержались, *и позволили, чтобы я по телефону вызвала врача.* Один из этих гестаповцев сдерживал последних, чтобы вели себя мягче. Врач пришел и при гестаповцах сказал, что мой муж абсолютно не может быть переведен в тюрьму, что в таком состоянии этого невозможно сделать. Тогда гестаповцы оставили его дома и сказали: «Помните, что если он убежит, или вы убежите, то вся ваша семья будет арестована». Мужа они действительно оставили дома, но два раза в день приходили контролировать, как он. Больной волновался, у него поднялась температура. Приходили врачи. Во Львове поднялся крик. Мне было запрещено говорить, что у нас было гестапо. Но я сказала Паньковскому, который пошел в гестапо и, кроме того, я ходила к Северину *Байгерту* – *знакомому немцу*, который также пошел в гестапо. [Л.101] Он приходил к нам и успокаивал, что это ошибка, что его хотят послушать и только. Мы верили. Однажды этот гестаповец был очень добрый и объяснял свое поведение тем, что мой муж к нему нехорошо отнесся. Северин *Байгерт* также говорил, что нам не надо бояться. У Панькивского был доступ к руководителю гестапо Ставискому и последний сказал, что он ничего не знает об этом деле.

Я хотела где-то спрятаться, но мой муж не захотел этого. Притом прятать мне мужа было очень трудно, потому что он был болен. Фронт был очень далеко, партизанщины тогда еще не было. Никто не знал сколько будут здесь еще немцы: или год, или десять. Так тянулось до 8 апреля. Моему мужу стало немного лучше и он сам пошел в гестапо. Больше он не вернулся. Обыска у нас не было. Они очень хорошо знали, что ничего не найдут. Тогда я уже узнала, что этот Освальд Мюллер родной брат второго Мюллера, который работал с Бартом. Верхушка немецкой власти ничего не знала об этом деле, а пошло это снизу.

После [2 слова зачеркнуто] *ареста мужа пришел, так сказать, «по-домашнему»,* Освальд Мюллер с переводчиком Тютюнником. (Это был *ополяченный* украинец, который во времена советской власти был в Польше и родню которого вывезли на восток.) Они пришли забрать документы моего мужа. Их интересовали фотоснимки. Они их очень рассматривали. Я предложила им искать, но они ничего не нашли. Забрали только фото моего мужа в группе студентов политехнического института и работников лесоохранников, это фото было сделано в 1940.

Мужа моего не допрашивали. Мюллер зачитал ему его вину и не дал разрешения ему ничего говорить. Когда мой муж хотел что-то объяснить, он крикнул: «Не пятакай». Моему мужу повезло передать мне записку с объяснением: его обвиняли в саботаже работы, противопоставлении немецкой власти, нанесении обиды немцу.

[Л.102] Как только я узнала об этом, то обратилась к Мантелю. Он заявил мне, что это невозможно, «ваш муж прав и я ним доволен». Мантель пошел в гестапо. Он был очень взбешен, но, когда он вышел из гестапо, был совсем в другом настроении, и заявил мне, что это дело политическое. Я пошла также к Кубийовичу и Панковскому. Они обратились в гестапо и *там им* сказали, что мой муж не был так чист, так как при советской власти его сделали доцентом, *это значит, что* он был сторонником советизации, а затем *вновь* сказали, что он сидит не за политику, а за саботаж.

Меня очень часто вызывали в гестапо, угрожали, что я поднимаю шум в то время, как я должна была сидеть тихо. Моего

мужа они называли саботажником и коммунистом. В последних месяцах они уже начали говорить, что если он не коммунист, то он бандеровец, причем уже никаких фактов не подавали. Это было смешно, потому что мой муж был противником бандеровцев. Дело затягивалось. Мужа моего не слушали. В конце уже говорили о нем, что «пусть он еще немного посидит, чтобы знал, что такое немцы, немецкая власть», причем говорили, что дело его не так плохо.

А мне было ясно, что его не выпустят, потому что если бы его выпустили, то тем самым скомпрометировали бы Барта. Я все время боялась, что что-то будет. 22 или 23 ноября 1942 все закончилось.

На ул. Жульнского застрелили одного гестаповца, причем был убит один из тех, кто стрелял в него. За это во Львове расстреляли 100 человек, 28 по Львову, *в том числе моего мужа*, а остальных по округам. Среди них был Омелиян Лапунька, бандеровец. Расстреляли [Л.103] Дивнича, которого обвиняли в принадлежности к коммунизму, Ореста Бабия, который был ни коммунист, ни бандеровец, и попал случайно. Расстреляли их за Яновским кладбищем. В этот же день я узнала об этом, а официально сообщили мне через 14 дней, что я *могу должна* прийти в картбюро гестапо. Я тогда была больна. Пошел вместо меня мой отец. Ему сообщили так: «Знаете ли вы, что на ул. Жулинского убили немца? – Знаю. – Знаете, что это сделал украинец? – Нет, не знаю. – У нас есть закон, что за одного немца идет 100 не немцев. За этот чин расстреляно 100 человек, в том числе и Пясецкий, 25 ноября перед полуднем». Отец просил, чтобы отдали обручальное кольцо, но они ответили, что такие вещи конфискуются в пользу немецкого государства.

Во Львове было две тюрьмы – по ул. Лонцкого для политзаключенных и по ул. Казимириивской для остальных. Когда арестовали моего мужа, то тюрьма на Лонцкого была закрыта в связи с тифом и поэтому он находился на Казимириивской. Режим там был легче настолько, что можно было раз в неделю передавать белье, можно было также стоять возле тюрьмы. Там несли службу не немцы, а поляки, и поэтому там было легче. Когда забрали моего мужа, я узнала, что он на Казимириивской, его там видели.

С утра до ночи мы простаивали под тюрьмой, чтобы передать им что-то поесть. Там можно было видеть, кого ведут на допрос. Можно было также видеть, кого везут на расстрел. Этот дом делится на две части, между ул. Яховича.

Первое мое впечатление через несколько дней после того, как взяли мужа: подъехало авто с гестаповцами, большое авто и малое. Гестаповцы все со скорострелами, они вошли в тюрьму. Это было в пятницу, [Л.104] когда пришло много женщин, *потому что это был день, в который можно было передавать белье*. Все стали кричать, что будет вывоз и расстрелы. День был холодный, гестаповцы сидели там долго, 3/4 часа. Нас все время разгоняли. Мне удалось войти в дом знакомого и смотреть через окно. Авто въехало на тротуар, все присутствующие очень волновались. Здесь стали выводить людей. Некоторые были в пальто, некоторые в рубашках. 20% было евреев, остальное не евреи. Многие женщины. Видели, как совсем старую женщину и парня 12-14 лет повели тоже к авто. ~~только~~ Все это было на глазах людей, которых только отпихивают, чтобы близко не подходили. Это был ужас, ужасные сцены, потому что женщины узнавали своих мужей, матери детей, кричали, плакали. Делалось это все медленно, поднялся большой крик, женщины кричат, слышим, кто-то говорит по-польски: «Иду без допроса». Больных вынесли и как какое-то барахло покидали на авто. Те, которые выносили, очень грубо обращались с арестованными и били их по голове, бросали в авто.

Сами экзекуторы стояли перед окном и вроде этого всего не видели. Они вели себя как «Зигфрид». Говорили о литературе, о музыке, а здесь рядом такие страшные сцены. В белье выносят людей, бросают в авто, все знают, что это на смерть, женщины кричат, заключенные просят «переслушайте меня, вы же ничего не спросили». А эти немцы стоят у стены с такими невинными глазами. У меня большая ненависть к ним, чем к тем, кто бил. Механически они садились в авто (маленькое) со своими скорострелами и, *продолжая свой разговор*, ехали вместе с этими людьми, которых вывезли из тюрьмы. Примерно через час возвращались эти самые авто. Мы все ждали их. Опять ждали, кого будут выводить, и снова вывели много

людей. Сапоги у этих гестаповцев были с песком, потому что везли они этих людей на Лычаковскую рогатку. Мы это уже знали, что они были на песке, где расстреливали людей. В тот раз вывезли мужа женщины, которая была [Л.105] со мной. Фамилия ее Калмукова. За что сидел ее муж, не знаю. Видимо был коммунист. Она еще видела его за день до того через окно. Он давал ей знаки, что его не допрашивали и она надеялась, что его выпустят. Стоя на улице, мы видели, что их везут на расстрел, а они сами думали, что их везут куда-то в лагерь.

Худшим из этого были именно эти «Зигфриды», которые стояли «невинно». Уголовников водили на Галицкую площадь. Их водили мягче, а политических заключенных вели по одному. Когда этот политический заключенный возвращался, то мы видели, что он не мог идти, ноги он широко расставлял (*нобитый!*). Под левым глазом у каждого был большой синяк. ~~Были такие моменты, что~~ водили их украинские полицаи.

Очень часто водили заключенных под вечер через сад и, когда никого не было близко, то некоторые полицейские позволяли женщинам поступиться к заключенным *и подать немного пищи*. Не все, но были такие, которые позволяли. Бывало и так, что *эти* стояли у ворот (*напр., поляк Смутек*) и позволяли подать что-то заключенным. Были такие моменты, что можно было преподнести что-то незнакомому, немножечко хлеба или папироски, хоть папиросы были строго запрещены. Когда находили у заключенного папиросы, то его очень били.

Кормили заключенных плохо, утром давали им кофе без хлеба *и сахара*. На обед 120 гр. хлеба на весь день и уху из гнилой капусты или огурцов, и это все.

Видела я и тех, которых освобождали. Все они были опухшие, часто были и сумасшедшие. Как выходили, то прежде всего просили немного *сахара толщи*.

2 июня моего мужа перевезли на ул. Лонцкая. Там уже доступа не было вовсе. Украинский и польский комитет имел право два раза в неделю передавать заключенным суп и раз в неделю хлеб. Польский и украинский комитет работали вместе. [Л.106] Кухня была недалеко

и варили вместе. Старались варить суп густой, с жиром, чтобы дать несчастным поддержку, а узники передавали, что мы присылаем только воду. А потом мы узнали, что гестаповцы собирали самую гущу и кормили ею свиней. Хлеб передавали через комитет всем вместе и распределяли его там всем одинаково.

Тюремным врачом в то время был Леопольд Бодек, еврей, молодой человек и очень хороший. Этот врач там ночевал и между 4-7 часами он должен был выходить в город. Он подружился с моим мужем в тюрьме. 16 июня он пришел ко мне и сказал мне, что мой муж работает с ним санитаром и предложил мне передавать мужу все, что я хочу. Он принес мне письмо от мужа, в котором последний подал знак, что я могу доверять этому врачу. Он просил меня встречаться с ним. Я с ним встречалась и разговаривала. Никто этого не замечал. Этот человек мне очень много сделал. Я знаю все же, что моему мужу было лучше благодаря этому врачу. Он лучше себя чувствовал. Этот врач совершенно бесплатно это делал, даже не важно было дать ему папироску. Он имел связи *также* с польским комитетом *и* помогал польским заключенным. Связь с *укр. комитетом* держал через меня. Просил меня, чтобы я помогла заключенным через Украинский Комитет, и был благодарен, что я охотно это делала. Эта связь была очень долго, тогда руководителем тюрьмы был немец старой генерации Квилу. Он хотел спокойно жить и только. *Зато* его заместитель Мартенс был отъявленным садистом. Из-за него очень много погибло людей. Мы знали через доктора Бодека, что делается в тюрьме. Можно было всегда узнать информацию. Д-р Бодек очень заботился о больных. Больных [Л.107] было очень много. Больные умирали, много умерло зимой 1941-42 гг. Больные лежали на голых полах. Бодек ходатайствовал о том, чтобы была подстелена солома. Заботился о лекарствах для больных Бодек ~~сказал~~ *посоветовал нам*, чтобы мы взяли стандартные бутылки с надписью «Oromaltine». ~~Мы так и сделали, но в них~~ вместо лекарств вливали туда молоко, масло, яйца и сахар, все это перемешивали и давали вместе с лекарствами. Больным это давало много сил. Мы договорились, что когда *от Комитета* привозили хлеб и лекарства *и* заходили в тюрьму, *то я заходила с ними*, хоть у меня не было

справки. Немцы не контролировали, есть ли у меня справка. Мы приходили в тюрьму, нас пускали в канцелярию, откуда было видно двор. При этом Бодек устроил так, что он приходил за лекарствами и якобы ему самому трудно было нести эти лекарства и он брал с собой моего мужа на помощь. Немцам не проходило в голову, что это мой муж. Мы встречались и только смотрели друг на друга. Разговаривать мы не могли. Рисковали мы все трое. Очень часто мы заставляли очень страшные сцены. Мы видели приготовленных людей к вывозу на песок. Их выводили всех во двор голых, причем ходили гестаповцы между ними с плетьюми и били направо и налево всех людей, которых готовили к вывозу. Затем приезжала машина, людей клали вниз лицом в машину и вывозили. Посторонние люди, которые проходили по улице, не знали, что это за машина, потому что она ехала очень быстро. Я могла такую машину распознать. За ней ехало маленькое авто с немцами-экзекуторами. Для этого они еще дрессировали собак на людей. Если кто из людей двинулся, то собака бросалась и вырывала кусок тела. Главную собаку звали Бой. Однажды он бросился на одну из девушек, которая ходила со мной.

Вывозили людей в 1942 г. два раза в месяц, по понедельникам. Однажды мы вошли в канцелярию, там была суeta и крик. Немцы нас не пускают. Кого-то выпроводили, потом [Л.108] нас пустили. Видим, на стене кровь и еще что-то. Они нас оставили одних. Мы приблизились к стене и увидели, что это был человеческий мозг на стене.

Когда эти авто возвращались назад после расстрелов, то они привозили с собой всякие тряпки от расстрелянных. Немцы все равно были голодные на золото и на тряпки. Люди, жившие недалеко, рассказывали, что после расстрела их сейчас же закапывали, но песок еще очень долго двигался, потому что закапывали *полуживых*.

В августе 1942 г. были так называемые чистки тюрьмы. Тогда привели очень много евреев, начиналась большая акция. К врачу и к моему мужу пришел Мартенц и сказал, что будет чистка тюрьмы, а именно всех больных и всех старых надо вывезти на песок. Делал он так: шел вместе с врачом и моим мужем по камерам и спрашивал: кто из вас болен? Бывало так, что врач или мой муж могли дать знак

людям, чтобы он не говорил, что больной, а очень часто люди не понимали и говорили, что больны. Потом, правда, врачу удавалось иногда из этого реестра зачеркивать некоторых лиц. Многих действительно больных врач переводил в обычную камеру, чтобы их спасти. Таким способом спасали жизни. Тех, кого не удалось спасти, всех вывезли на песок.

Был такой случай. Один крестьянин рассказал сестре моего мужа, как ему спасли жизнь. Он сам с Перемышлянщины: «Вошел врач, Мартенс и мой муж. *В то время, как этот человек хотел подтвердить, что он болен*, мой муж подошел сбоку и бросил его в землю. Я Он присел и не мог встать. На второй день Пясецкий ему сказал, почему он так сделал». Это ему спасло жизнь. Было много таких случаев, что людей как бы «случайно» посылали на песок. Был во Львове нотариус Василий Дьяков. Его арестовали за то, что он помогал какому-то еврею сфальсифицировать документы. Он сидел несколько [Л.109] месяцев. Дело его было в уголовной полиции, но кто-то не хотел, чтобы он вышел. Однажды приехала машина брать людей на песок. В этой тюрьме сидел обычный бандит, тоже Василий Дьяков, но немцы вывезли и расстреляли этого нотариуса. Через неделю после этого звонят из уголовной полиции, чтобы им доставили Василия Дьякова, которого вроде бы еще раз допросят и освободят.

Таких случаев было очень много. Бывало так, что кто-то сидел и следствие было закончено и он был освобожден, но в тюрьме был тиф и немцы не позволяли выпускать людей, пока не погаснет болезнь. Человек заболел и от тифа умирал. Так было с Романом Кивелюком. Он умер в тюрьме как освобожденный. Летом 1942 гестаповцы дали разрешение кроме хлеба передавать и овощи. Каждая женщина несла, сколько могла. Врач нам сказал, чтобы мы ничего не давали, потому что гестаповцы все овощи забирают для своего казино.

Кроме этого, был еще уголовный лагерь за Яновским кладбищем. Сначала там были евреи, ~~но потом и другие~~, *укр. и поляки*, а потом только *укр. и поляки*. С продуктами там было лучше, потому что их можно было передавать индивидуально. Заключение

водили на работу, но страшно издевались над ними в том лагере. Уводили их совсем рано, а возвращали около 7-ми часов вечера. Это был поход трупов. Все люди почему-то были черные. Узнать, что это были люди, было трудно. Они от усталости не могли идти. Очень часто по дороге падали и от усталости, и голода. Были здесь и крестьяне, и интеллигенция, всякие люди. Тех, которые падали, гестаповцы били. Тех, которые не могли идти, волочили по земле. В лагере я не была, но эти девушки ездили туда для помощи, говорили, что там было хуже, людей очень тяжело били, собаки рвали плоть.

Там был оркестр, играли украинцы, евреи, поляки. Дирижером был гестаповец. И так как он дирижировал, они должны были играть. Посередине сидели гестаповцы, они пили и ели, а несчастные им [Л.110] играли. На расстрел водили тоже под звуки оркестра. Били людей не только при допросах, а очень часто били так, когда захотелось пьяным гестаповцам, то они бежали к камерам и били всех для того, чтобы просто погулять, а также натравливали собак. У этого врача было очень много людей, перекусанных собаками.

С 1943 года после событий под Сталинградом, (я уже тогда не ходила в тюрьму) рассказывали мне, что там было лучше. Питание улучшилось, перестали бить, больным дали солому. До прихода большевиков, где-то за три месяца там уже начали все ~~больше~~ *ходить нести службу* не немцы, а какие-то «добровольцы», которые говорили по-русски. Одна женщина мне рассказывала, что она приехала в тюрьму Лонцкого и видит какие-то новые лица. Она начала говорить с ним по-немецки, а он ответил ломаным немецким языком, что он ничего не понимает. В лагере также несли охрану добровольцы кавказских народностей.

События под Сталинградом привели к какому-то толчку, который заставил людей впервые серьезно рассмотреть ситуацию. *До сих пор* все как-то крутилось. Люди не думали. После Сталинграда все начали думать серьезно. Вернулась потребность какой-то политической ориентации. Ясно было, что немцы обанкротились и морально, и фактически, что они уже катятся назад. Массы, я говорю о некритических массах, *решения не жалели*, что немец погибает, ~~пусть погибает~~ *наоборот*, но на кого же теперь ориентироваться?

Перед большевиками был ужас. Здесь надо понять одно: к немцам была ненависть, но к большевикам такой ненависти не было. Был только страх перед большевиками. Наименее критические массы стали ориентироваться на Бандеру, хотели создать собственными силами какую-то партизанскую силу и ждать чего-то от Англии и Америки. Причем здесь были такие тенденции – кооперировать с бывшими послами УНДО. Вроде как бандеровцы будут работать здесь на [Л.111] месте, а вы, послы, старайтесь создать связь с альянтами и работать там, за границей. Это было видно по всему.

Некоторые шли последовательно за немцами. Они говорили, что нам только с немцами по дороге, какая будет немцам дорога, такая будет и нам. Другого выхода нам нет. Как погибнут немцы, погибнем и мы.

Были и такие, которые последовательно ориентировались на большевиков. Это были те, которые могли сравнить этот период с периодом большевиков.

Здесь начали немцы очень сильную агитацию, планоно продуманную агитацию. Им помогали ангажированные украинцы. Но населению это было ясно. Это не имело воздействия. Больше всего ~~им~~ помогали *немцам* приехавшие из восточных областей, из Киева, Харькова. Все *Они* нам говорили, что большевики творят ужас в восточных областях, что в сравнении с тем, что они сделают в Галичине, все это *еще* мелочь, и для Галичины не будет никакой пощады. Они говорили, что «не стройте никаких иллюзий, спасайте себя». Когда я протестовала, то мне говорили: «Что ты знаешь, ты сидишь во Львове, ничего не можешь знать».

Заодно замечу, что со стороны советской власти не сделано почти ничего, чтобы противопоставить советскую агитацию этой враждебной агитации. Надо было обратиться к населению Галичины с листовками и разъяснениями по крайней мере хотя бы в начале 1944 г. У нас было много людей, которые систематически слушали радио из Москвы и Киева. Тогда, когда был доклад Довженко на Всеславянском съезде, то это произвело большое впечатление среди нас и среди населения Галичины. Это обусловило, что значительная часть людей не выехала на запад, а осталась здесь. Но этого было

мало. После этих докладов были люди, которые даже ориентировались на немцев, но после доклада Довженко они задумались. [Л.112] «Может мы ошибаемся», *говорили*. Мы ждали, что будет дальше, люди не спали, слушали радио, но больше ничего не было. Киев молчал и среди людей было большое разочарование. Этот подъем духа, который был вызван докладом Довженко, начал остывать. Мы снова стали относиться недоверчиво. Мы не имели никаких аргументов в руках, чтобы подать людям. Надо было что-то специально говорить населению Галиции. Я еще раз подчеркиваю, что этот доклад Довженко оказал очень большое впечатление *даже* на германофилов.

Очень жаль, что не было какой-то сильной противоакции среди тех людей, которые бежали на запад. Всех тех людей, которые бежали на запад, можно разделить на категории: 1) те, которые сознательно от начала до конца были сторонниками немецкой власти и бежали назад с немцами – *это была точно определенная группа*.

2) Были такие, которых немцы заставили ехать с собой, угрожая, что отдадут их в гестапо. Например: близкий знакомый моего мужа инженер Алексин Ничого. Он приехал в 1939 г. из Киева, оставался при немцах, потому что он работал в учебном лесном комбинате и ему говорили ждать грузовик, который его вывезет на восток. Машина не пришла и когда он побежал к лесотресту, то там уже все уехали. Он работал здесь вместе с моим мужем. Все время ждал большевиков, все свободное время проводил при радио. Жил он в этом же доме, что и мы по ул. Иссаковича. Нас вместе выбросило гестапо из нашего дома и ему дали помещение в немецком общежитии, в немецком лесном институте. Он был все время окружен немцами.

В марте 1944 г. руководитель института собрал конференцию и сказал, чтобы они добровольно выезжали с ними, а если нет, то их передадут в руки немецких властей. У него была жена и двое маленьких мальчиков. Приехал какой-то лесник из Киева, [Л.113] который жил у него в этом общежитии и который рассказал, что то же самое было и в Киеве, когда вызывали и расспрашивали, кто хочет ехать с ними. Трое согласилось, а двое сказали, что не едут. Той же

ночью пришло гестапо и тех двоих забрали. Ничого сначала старался прятаться в селах. Я ему помогала, но это было очень трудно. По селам у нас происходили невеселые события, а к тому же Ничого еще и не галичанин. Тогда он решил уехать. Поехал в Закопане за Краков. Ехал он с тем, что если будет еще время, то он вернется с женой и детьми будто бы во Львов и тогда уже спрячется. В мае он приехал сам. Сказал мне, что школа эта переводится в Криницу, что немцы его не пускают, а все же он надеется, что в начале июля он получит отпуск и сможет поехать куда-то, а в действительности вернуться во Львов. Он просил меня подготовить ему место для него. Последнюю карточку от него я получила за неделю до прихода большевиков, где он писал, что видимо мы скоро увидимся. Я ему написала, чтобы он приехал во Львов, что у нас сейчас очень хорошо, это означало, что он может приехать к нам, потому что мы видели, что немцы уже скоро уйдут. Но тут начались военные действия.

Некоторые *Больше* всего людей уехали из-за страха, исключительно из-за страха. Они плакали, хотели остаться, если бы им кто-то авторитетно сказал – «останьтесь», то они с радостью остались бы, потому что они *хоть и бежали за Сян, то* очень боялись и ненавидели немцев.

Беседу вел ученый секретарь

Комиссии истории Отечественной войны, кандидат наук (Д.В. Крюк)

Стенографировала (Г. Шестопалова)

подпись

Пясецкая Мария Юлиановна

Пронумеровано 38 лист., из них 6 лист. рукописных. мл. наук. роб. Смалиус – 30.I.46 г.